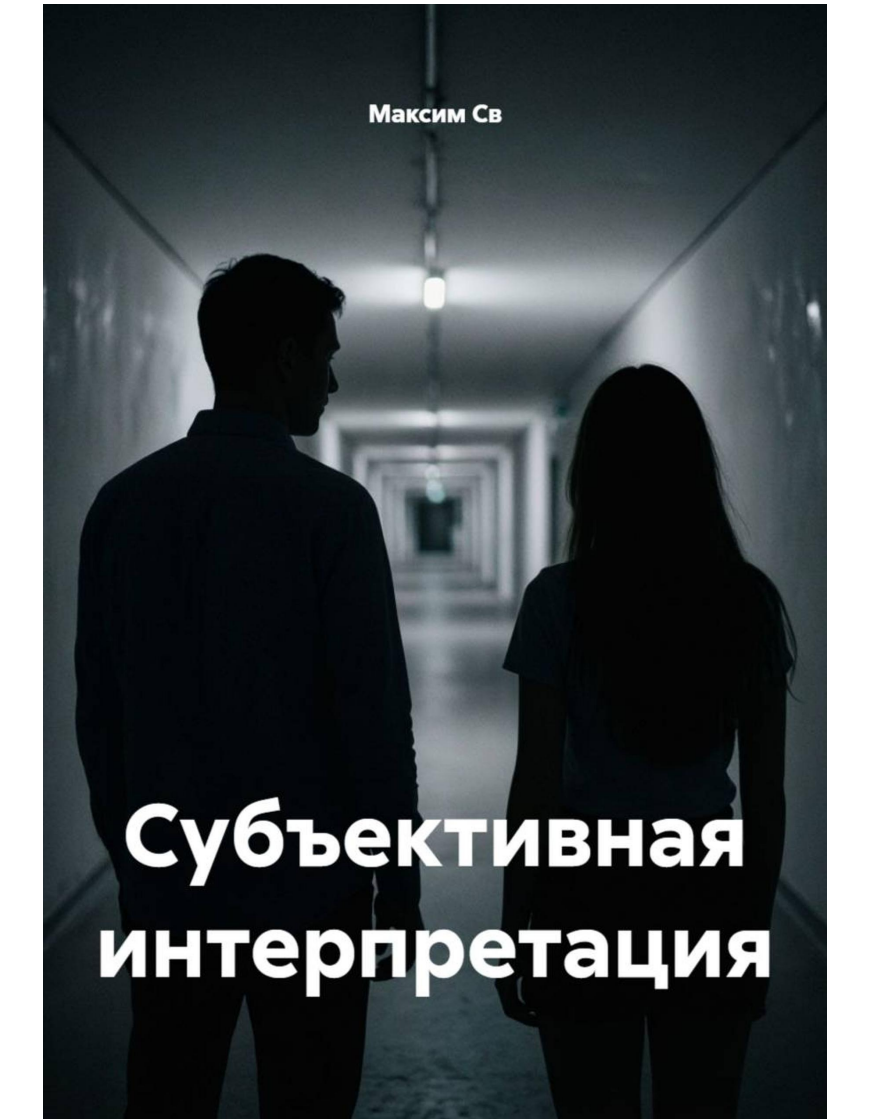

A black and white photograph of a man and a woman standing in a long, dark hallway. They are seen from behind, looking down the corridor. The hallway has a series of rectangular frames or doorways receding into the distance, creating a strong sense of perspective. A single light fixture is visible on the ceiling, casting a soft glow. The overall mood is mysterious and contemplative.

Максим Св

Субъективная интерпретация

Максим Св

Субъективная интерпретация

<https://litres.ru/74693822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей Викторович — человек, которого не замечают. Клерк, сорок два года, жизнь по расписанию: работа, магазин, плита, уроки. Три года назад умерла жена, и он остался один с её дочерью — не своей, чужой. Он её кормит, одевает, защищает. Не жалуется. Просто делает то, что должен.

Аня его не считает отцом. Конфликтует из-за уроков, одежды, смартфона, который он не может купить. Он не ругается. Понимает. Молчит.

А потом она пишет заявление. Развратные действия. В отношении несовершеннолетней. Его жизнь рушится — не потому, что он виноват, а потому, что против него есть заявление, психолог и подруга. А у него — только его слово.

«Субъективная интерпретация» — психологический триллер без погонь. Здесь страшно не в кабинете следователя, а на кухне. Это история о предательстве и о прощении, которого не будет. О границах, которые строят заново. И о том, что иногда «чай будешь?» — это и есть «я тебя люблю».

Максим Св

Субъективная интерпретация

Субъективная интерпретация

Глава 1

Андрей Викторович Соколов был человеком, которого не замечают.

Не потому, что он был незаметным — он был вполне нормальным: сорок два года, среднего роста, среднего телосложения, с лицом, которое не запоминается, если не смотреть внимательно. Просто он был из тех людей, которые не привлекают внимания. Не шумят. Не спорят. Не жалуются.

Он работал клерком в небольшой конторе на окраине города — восемь лет в одном кабинете, за одним столом, с одной и той же папкой, которую каждый вечер убирал в один и тот же ящик. Приходил в девять, уходил в половине шестого. Не опаздывал. Не брал больничных без необходимости. Не просил прибавки. Начальница отдела, Маргарита Павловна, говорила про него: «На Андрее Викторовиче всё держится. Он как фундамент. Его не видно, но без него всё рухнет». Это была правда. Только фундаменты не замечают, пока не начнёт трещать стена.

Домой он возвращался в шесть. Не потому, что любил

свою квартиру — а потому, что там его ждали дела. Магазин по дороге — он знал, что купить, у него был список, он составлял его утром, пока пил чай. Потом плита. Потом уроки.

Уроки были самой тяжёлой частью. Не потому, что он не понимал алгебру — он понимал, он всегда хорошо считал. А потому, что делал их не для себя. Для Ани. А Аня не хотела их делать.

Аня была дочерью его жены. Не его дочерью. Он познакомился с ней, когда ей было семь, — маленькая, с двумя косичками, с испуганными глазами, которые смотрели на него из-за маминой юбки. Он тогда сказал: «Привет. Я Андрей. Я буду с тобой дружить». Она ничего не сказала. Просто смотрела. Смотрела так, как будто решала, можно ли ему верить. И, судя по тому, как всё сложилось потом, — так и не решила.

Ольга, её мать, умерла три года назад. Рак. Быстро — четыре месяца от диагноза до похорон. Андрей тогда подумал: «Я не успел». Он не успел сказать ей многое. Он вообще не умел говорить. Он умел делать: приносить чай, когда она лежала, менять постель, вызывать врача, платить за лекарства. Он думал, что этого достаточно. Он думал, что любовь — это когда ты делаешь всё, что нужно, и не жалуешься.

После похорон он остался один — с Аней, которой было одиннадцать, и с квартирой, в которой стало слишком тихо. Он оформил опекунство через полгода — суд был короткий, судья спросила Аню, хочет ли она жить с ним. Аня сказала

«да». Он не знал, было ли это «да» из любви или из страха оказаться в детском доме. Он не спрашивал. Боялся услышать ответ.

Три года он жил так: работа, магазин, плита, уроки. По выходным — уборка, стирка, глажка. Он не ходил в кино. Не встречался с друзьями — их и не было, он никогда не умел заводить друзей. Не было личной жизни — не потому, что не хотел, а потому, что не было времени. И ещё потому, что не знал, как это делается. Он был человеком, который умеет заботиться, но не умеет быть интересным.

Он не жаловался. Никогда. Даже когда Аня хлопала дверью. Даже когда говорила ему: «Ты мне не отец». Особенно тогда. Он не поднимал на неё голос — не потому, что был святым, а потому, что не умел. Голос — это когда ты уверен, что тебя услышат. А он не был уверен. Он вообще ни в чём не был уверен, кроме того, что должен её кормить, одевать и защищать. Это он умел. Это было просто. Это было понятно.

С Аней было сложно. Она его не считала родным — и говорила это прямо, без злобы, как факт. Не называла его «папа». Называла «Андрей» — или вообще никак, просто «эй». Конфликтовала из-за всего: из-за уроков, из-за одежды, из-за того, что он не разрешал гулять до полуночи. Он старался сглаживать. Не ругался. Не наказывал. Говорил: «Аня, я понимаю, что ты злишься. Но я должен...» — и она перебивала: «Ты ничего не должен. Ты мне никто». И уходила к себе. И он оставался на кухне — с чашкой чая, которая остывала,

и с мыслью, которую гнал от себя: «Может быть, она права. Может быть, я действительно никто».

Последняя ссора была из-за телефона. Не из-за какого-то особенного — просто смартфон, как у всех одноклассниц, с большой памятью и хорошей камерой. Аня просила его месяц. Он откладывал. Потом сказал: «Аня, у меня нет денег. Зарплата уйдёт на твою школу. Потерпи». Она посмотрела на него — тем самым взглядом, который он знал с семи лет, — и сказала: «Ты всегда так говоришь. Ты всегда говоришь "потерпи". Может быть, это ты потерпишь? Может быть, это ты потерпишь меня?» И ушла. Хлопнула дверью. Он остался на кухне.

Он тогда подумал: «Она права. Я не покупаю ей телефон, потому что у меня нет денег. Но она думает, что я не покупаю, потому что не хочу. Потому что она мне не родная. Потому что я её не люблю». Хотел пойти к ней. Сказать: «Аня, я тебя люблю. Я просто не умею это сказать. Я умею чистить картошку и проверять алгебру. Но я не умею говорить "я тебя люблю". Прости меня». Но не пошёл. Сидел на кухне и пил остывший чай.

А на следующий день он пришёл домой в шесть — как всегда — и увидел в коридоре три пары форменных ботинок.

Сначала он подумал, что ошибся квартирой. Отступил на шаг, посмотрел на номер на двери — сорок второй, всё верно. Потом подумал, что это, может быть, соседи — но соседи не оставляют ботинки в чужом коридоре. Потом увидел

женщину.

Она стояла в проёме между прихожей и комнатой — в форме, с планшетом в руках, с лицом человека, который делает свою работу и не ждёт, что ему будут рады. За ней — двое мужчин. Тоже в форме. Один держал папку. Другой — рацию.

— Андрей Викторович Соколов? — спросила женщина.

— Да, — сказал он. — Что...

— Инспектор по делам несовершеннолетних, капитан Ветрова. — Она показала удостоверение. Он не успел прочитать. — Пройдёмте. Есть заявление.

— Какое заявление? — Он всё ещё стоял в дверях, с пакетом в руке — в пакете были картошка, лук и полбатона. — От кого?

— От вашей подопечной, — сказала Ветрова. — Анны Крыловой. Она в комнате. Вы можете пройти.

Он прошёл. Аня сидела на диване — в своей комнате, но на диване, а не на кровати, как будто кто-то сказал ей сесть именно туда. Она была бледная. Заплаканная. Но не плакала. Смотрела в пол.

— Аня, — сказал он. — Что происходит?

Она не подняла глаз.

— Аня, — повторил он. — Скажи мне.

— Вы можете поговорить с ней позже, — сказала Ветрова из-за его спины. — Сейчас — проедемте в отделение. Нужно оформить. Вы понимаете, о чём речь?

— Нет, — сказал он. — Я не понимаю.

Ветрова посмотрела на него. Долго. Потом сказала — тихо, без нажима, но так, что каждое слово легло отдельно:

— Андрей Викторович. Ваша подопечная написала заявление о развратных действиях в отношении неё. С её стороны. С вашей стороны. Вы обвиняетесь в совершении действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней. Вам нужно проехать с нами.

Он стоял. В коридоре — двое мужчин в форме. В комнате — девочка, которую он три года кормил и одевал. В руке — пакет с картошкой, луком и полбатонном. Он почему-то подумал: «Картошка. Если я сейчас уйду, картошка останется. Она испортится. Надо сказать Ане, чтобы убрала в холодильник». И только потом — всё остальное.

— Это неправда, — сказал он.

— Это вы объясните следователю, — сказала Ветрова. — Сейчас — проедемте.

Он посмотрел на Аню. Она не подняла глаз. Она смотрела в пол — и в этом взгляде не было ни злобы, ни торжества. Было что-то другое. Что-то, чего он не понял тогда, но поймёт позже. Страх. И ещё — как будто она ждала, что он закричит. А он не закричал. Он сказал:

— Аня. Я не трогал тебя.

Она не ответила.

— Аня.

— Проедемте, — повторила Ветрова.

Он положил пакет на пол. Рядом с ботинками. И вышел.

В отделении было светло — слишком светло для вечера. Лампы дневного света, серые стены, запах хлорки и чужой усталости. Его провели в комнату — не в кабинет, а в комнату, где стояли стол, два стула и окно с решёткой. За столом сидел молодой лейтенант с прыщами и скучающим лицом. Он заполнил бумаги. Спросил имя, адрес, место работы. Андрей отвечал. Голос был чужой.

Потом его отвели в другую комнату. Там было холодно. Он сидел на скамье — металлической, прикрученной к полу, — и смотрел в стену. Стена была серая, с потёками. Он считал потёки. Их было семь. Потом восемь. Потом он сбился.

Он думал: «Это ошибка. Сейчас придут, извинятся, скажут: "Произошла путаница". И я пойду домой. И Аня будет сидеть на кухне. И я спрошу: "Чай будешь?" И она скажет: "Буду"».

Никто не пришёл.

Через два часа его перевели в СИЗО. Оформление, обыск, выдали робу, отвели в камеру. Камера была на четверых — но он был один. Стены, койка, окно под потолком, решётка. Он сел на койку. Посмотрел на окно. За окном было небо — серое, вечернее.

Он подумал: «Три года. Я три года её кормил, одевал, лечил. Я проверял её уроки. Я водил её к врачу. Я покупал ей книги. Я писал на форзацах "я рядом". А она написала заявление. И теперь я сижу здесь. И я не знаю, что будет завтра».

Он лёг. Закрыв глаза. Не спал.

Утром его разбудили в шесть. Дали чай — в железной кружке, с двумя кусками сахара. Он не стал пить. Его повели на допрос.

Кабинет был на втором этаже. Окно выходило во двор, где кто-то курил. За столом сидела женщина.

Он остановился в дверях. Не потому, что ему сказали остановиться, — просто остановился.

Она была красивая. Не той красотой, которую замечают сразу, — а той, которую замечают, когда смотрят. Тридцать пять, не больше. Тёмные волосы собраны в тугой узел, ни одной выбившейся пряди. Блузка застёгнута на все пуговицы, кроме верхней. Подтянутая, собранная, с осанкой человека, который знает, как сидеть, чтобы выглядеть. На столе — аккуратно, по линейке: ручка, блокнот, стакан с водой.

— Андрей Викторович, — сказала она. — Проходите. Садитесь.

Голос был мягкий — но уверенный. Не тот, которым кричат. Тот, которым говорят так, что слушаются.

Он сел. Посмотрел на неё. Она посмотрела на него. И он вдруг понял, что за три дня — за всё это время — он впервые видит человека, который смотрит на него не как на преступника. А как на... он не знал, как. Как на пациента. Как на материал. Как на что-то, что нужно понять.

— Меня зовут Вероника Андреевна Соколова, — сказала она. — Я старший следователь. Я буду вести ваше дело.

Она открыла папку. Развернула к нему.

— Вы понимаете, что вам вменяется?

— Мне сказали, — ответил он. — В отделении. Развратные действия. В отношении несовершеннолетней. Моей подопечной.

— Да. — Она кивнула. — Заявление написано вчера, в семнадцать сорок. Вот здесь, — она повернула лист к нему, — подпись Анны. Ознакомьтесь.

Он взял лист. Бумага была плотная, чуть шершавая. Буквы — Анин почерк, он узнал бы его из тысячи, потому что три года проверял её тетради. Ровные, старательные буквы отличницы. Он читал, и слова не складывались в смысл, как будто он разучился читать.

«...подглядывал за мной, когда я мылась в ванной... трогал меня за... вступал со мной в...»

— Это неправда, — сказал он.

Сказал тихо. Не потому, что не хотел кричать, а потому, что кричать было нечем — воздух кончился где-то на середине листа.

— Андрей Викторович, — Соколова сложила руки на столе, — я вам сейчас объясню, как это будет происходить, чтобы вы не тратили время на эмоции. У нас есть заявление несовершеннолетней. У нас есть заключение психолога, который беседовал с Анной вчера вечером. У нас есть... — она сделала паузу, — определённые данные, которые corroborate её слова. Вы пока не обвиняемый в процессуальном смысле.

Вы задержанный. Но я вас предупреждаю: если вы будете отрицать всё подряд, это будет выглядеть как позиция, а не как правда. Понимаете разницу?

— Понимаю.

— Хорошо. Тогда давайте по порядку. Вы признаёте, что находились дома наедине с Анной?

— Конечно. Я её опекун. Я с ней живу.

— Вы признаёте, что заходили в ванную, когда она там находилась?

— Я... — он замолчал. — Я заходил в ванную. Да. Я стул. Она не отвечала. Я думал, ей плохо. У неё бывают... — он осёкся. — Она порезалась один раз, когда была маленькая. Я испугался. Я открыл дверь на секунду. Она стояла в пене, я сказал «прости» и закрыл. Ей было тринадцать. Это было год назад.

— То есть вы признаёте факт?

— Я признаю, что открыл дверь. Я не признаю, что «подглядывал». Это разные вещи.

Соколова что-то записала. Ручка у неё была хорошая, тяжёлая, с золотым пером. Андрей почему-то зацепился за это перо. Подумал: «На зарплату следователя такое не купишь». Потом подумал: «Какая разница». Потом подумал: «Я схожу с ума».

— А трогания? — спросила она, не поднимая глаз.

— Какие трогания?

— Анна говорит, что вы регулярно, — она заглянула в

бумаги, — «прикасались к её интимным местам, когда она этого не хотела». Приводит примеры. Вот, — она перевернула страницу, — «в апреле, когда я лежала на диване, он сел рядом и положил руку мне на бедро, потом выше». Вы помните апрель?

Андрей вспомнил апрель. У Ани была температура тридцать девять, он сидел рядом с ней всю ночь, менял компрессы, мерил температуру, вливал в неё жаропонижающее с ложки. Она лежала на диване, он сидел на полу рядом, потому что на диване места не было — она развалилась на нём, как звёздочка. Он держал её за руку, когда она бредила. Он, наверное, касался её бедра, когда поправлял одеяло.

— В апреле она болела, — сказал он. — Я ухаживал за ней.

— Она говорит иначе.

— Я понимаю.

— Вы понимаете, что это звучит как... — Соколова подыскивала слово, — удобная версия?

— Я понимаю, что это звучит как моя жизнь, — сказал он. — Я не знаю, как это ещё звучит. Я три года... — он замолчал, потому что голос дрогнул. — Я три года её кормлю, одеваю, лечу. Я не... — он положил ладони на стол, — я не трогал её. Никогда. Ни в каком смысле.

Соколова смотрела на него внимательно. Взгляд у неё был не злой — цепкий. Как у врача, который смотрит на анализ и решает, какой диагноз поставить.

— Андрей Викторович, — сказала она наконец, — а скажите мне вот что. Почему она написала заявление именно вчера?

— Потому что я не купил ей телефон, — сказал он.
Соколова подняла бровь.

— Телефон?

— Смартфон. Как у одноклассниц. Она просила. Я сказал, что не могу — зарплата уйдёт на её же школу. Мы поругались. Точнее, — он поправился, — она поругалась. Я не ругаюсь. Я объяснил, что денег нет. Она ушла в комнату и хлопнула дверью. А вечером... — он обвёл взглядом кабинет, — вечером я пришёл, и там были вы.

— Значит, вы считаете, что заявление — это месть за телефон?

— Я считаю, что это... — он поискал слово, — это не про то, что написано. Я не знаю, что у неё в голове. Ей четырнадцать. У неё умерла мать. Она меня не считает отцом. Мы... — он вдруг понял, что говорит лишнее, но остановиться уже не мог, — мы сосуществуем. Я стараюсь. Она — как умеет.
Соколова записала. Потом закрыла блокнот.

— Хорошо. Я вам скажу, что у нас есть, Андрей Викторович, чтобы вы понимали серьёзность. У нас есть заявление. У нас есть беседа с психологом, где Анна... — она подобрала формулировку, — где Анна достаточно последовательно описала события. У нас есть свидетель — её подруга, которой Анна, по её словам, рассказывала о ваших действиях ещё

в мае. И у нас есть ваша квартира, где сейчас работает... — она посмотрела на часы, — уже, наверное, закончила работать следственная группа. Изымают постельное бельё, компьютер, телефон Анны. Это стандартно.

— Вы изымаете... — Андрей почувствовал, как холодеют пальцы. — Вы изымаете её телефон?

— Конечно.

— Там... — он замолчал. — Там мои переписки с её учителями. Там её домашние задания. Там...

— Там всё, что нужно, — сказала Соколова мягко. — Андрей Викторович. Послушайте меня. Я вам сейчас дам совет, и это не мой процессуальный совет, это просто совет человека. Не пытайтесь связаться с Анной. Не пишите ей. Не просите никого передать ей что-либо. Если появится хоть одно сообщение от вас — даже через третьих лиц — это будет воспринято как давление на свидетеля. Вы меня поняли?

Он кивнул.

— И ещё. Вам назначат защитника. Если у вас нет своего — государственного. Я рекомендую вам взять своего. Это не потому, что я считаю вас виновным. Это потому, что у вас сейчас очень плохая позиция: вы живёте с ребёнком, который написал на вас заявление, и у вас нет ни одного свидетеля, который подтвердил бы вашу версию. Вы понимаете, что это значит?

— Что мне никто не верит.

— Что ваша версия — это только ваша версия, — сказала

она. — А у неё — заявление, психолог и подруга.

Она встала.

— Сейчас вас отведут обратно. Суд по мере пресечения — завтра или послезавтра. Я буду ходатайствовать о... — она сделала паузу, — о домашнем аресте, если вы найдёте поручителей. У вас есть кто-нибудь?

Андрей подумал. Коллеги? Он ни с кем не сближался — некогда было. Соседи? Здравуются в лифте. Родственники? Его родители умерли. Родители жены — в другом городе, после смерти дочери они с ним почти не общались, считали, что он «недосмотрел».

— У меня есть... — он вспомнил, — начальница отдела. Она знает меня восемь лет. Она может...

— Хорошо, — Соколова записала. — Дайте её контакты. И последнее. Андрей Викторович. — Она посмотрела на него в упор. — Скажите мне честно. Вы когда-нибудь — хоть раз — думали об Ане... не как о ребёнке?

Он посмотрел на неё. На её спокойное, красивое лицо с ровными бровями. На то, как она держит ручку. На то, как задаёт вопросы, от которых некуда деться.

— Я думал о ней как о дочери, — сказал он. — Которая меня не любит. И которую я всё равно люблю. Если это можно назвать «думал».

Соколова выдержала его взгляд. Потом кивнула.

— Конвой.

Когда его уводили, он обернулся в дверях. Она уже писала

— быстро, размашисто, наклонив голову. Перо сверкало.
В коридоре пахло хлоркой и чужой усталостью. Конвоир
— молодой парень с прыщами — подтолкнул его в спину.
— Шагай, папаша.
Андрей шагнул. И вдруг подумал: «А ведь я даже не спросил, что она сказала психологу. Что именно. Дословно».
Он понял, что это первое, что он спросит у адвоката.

Глава 2

Начальницу отдела звали Маргарита Павловна. Ей было пятьдесят два, она была похожа на учительницу математики — сухая, прямая, с короткой стрижкой и привычкой поправлять очки указательным пальцем. Андрей работал под её началом восемь лет и за это время ни разу не видел, чтобы она повышала голос. Она говорила тихо, и от этого её слушались.

Когда он позвонил ей из отделения — ему разрешили один звонок, — она выслушала молча. Потом сказала:

— Андрей, я приеду. Но сначала скажи мне одну вещь. Только честно. Ты это сделал?

— Нет.

— Хорошо, — сказала она. — Я тебе верю. Жди.

Она приехала через час — в пальто поверх домашнего платья, с очками, сдвинутыми на лоб. В руках — папка. В папке — его характеристика с работы, копия трудовой книжки, справка о зарплате и заявление о поручительстве, напи-

санное от руки на листе из её блокнота.

— Я не юрист, — сказала она следователю, — но я прочитала в интернете, что поручитель может быть любым дееспособным гражданином. Я дееспособна. Я ручаюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.